

В. Г. Чертков

О революции

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В11

В11 **В. Г. Чертков**
О революции / В. Г. Чертков – М.: Книга по Требованию, 2012. – 64 с.

ISBN 978-5-458-16574-7

О революции. Насильственная революция или христианское освобождение? Обращение к верующим от Бога русским людям.

ISBN 978-5-458-16574-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

жалко, когда эта энергія тратится на то, чтобы тревожить людей, вовлекать ихъ въ опасную дѣятельность, разрушающую ихъ жизнь, или еще хуже, — дѣлать динамитъ, взрывать или просто убивать какое-нибудь почитаемое вреднымъ правительственное лицо, на мѣсто котораго готовы тысячи еще болѣе вредныхъ.

Болѣе же всего жалко то, когда видишь, что лучшіе, высоконравственные, самоотверженные, добрые люди, каковы были Перовская, Оленинскій, Лизогубъ и многіе другіе (я говорю только про умершихъ), увлеченные зазоромъ борьбы, доведены не только до траты своихъ лучшихъ силъ на достиженіе недостижимаго, но и до допущенія противнаго всей ихъ природѣ преступленія, — убійства, до содѣйствія ему, участія въ немъ.

Революціонеры говорятъ, что цѣль ихъ дѣятельности — свобода людей. Но для того, чтобы служить свободѣ, надо ясно опредѣлить то, что понимается подъ словомъ свобода.

Подъ свободой революціонеры понимаютъ то же, что подъ этимъ словомъ разумѣютъ и тѣ правительства, съ которыми они борются, а именно: огражденное закономъ (законъ же утверждаетъ насильемъ) *право каждаго дѣлать то, что не нарушаетъ свободу другихъ*. Но такъ какъ поступки, нарушающіе свободу другихъ, опредѣляются различно соотвѣтственно тому, что люди считаютъ неотъемлемымъ правомъ каждаго человѣка, то свобода въ этомъ опредѣленіи есть ни что иное, какъ разрѣшеніе дѣлать все то, что не запрещено закономъ; или, строго и точно выражаясь, свобода, по этому опредѣленію, есть одинаковое для всѣхъ, подъ страхомъ наказанія запрещеніе совершенія поступковъ, нарушающихъ то, что признано правомъ людей. И потому то, что по этому опредѣленію считается свободой, есть въ большей мѣрѣ случаевъ нарушеніе свободы людей.

Такъ, напримѣръ, въ нашемъ обществѣ признается право правительства распоряжаться трудомъ (полати), даже личною (военная повинность) своихъ гражданъ; признается за нѣкоторыми людьми право исключительнаго владѣнія землей; а между тѣмъ очевидно, что эти права, ограждая свободу однихъ людей, не только не даютъ свободу другимъ людямъ, но самымъ очевиднымъ образомъ нарушаютъ ее, лишая большинство людей права распоряжаться произведеніями своего труда и даже своею личною.

Такъ что опредѣленіе свободы правомъ дѣлать все то, что не

нарушать свободу других, или все то, что не запрещено законом, очевидно не соответствует понятію, которое приписывается слову «свобода». Оно и не может быть иначе, потому что, при такомъ опредѣленіи, понятію свободы приписывается свойство чего-то положительнаго, тогда какъ свобода есть понятіе отрицательное. Свобода есть отсутствіе стѣненія. Свободенъ человѣкъ только тогда, когда никто не воспрещаетъ ему известные поступки подъ угрозой насилія.

И потому въ обществѣ, въ которомъ такъ или иначе опредѣлены права людей, и требуются и запрещаются подъ страхомъ наказанія известные поступки, люди не могутъ быть свободными. Истинно свободны могутъ быть люди только тогда, когда они все одинаково убѣждены въ бесполезности, незаконности насилія, и подчиняются установленнымъ правиламъ, не вслѣдствіе насилія или угрозы его, а вслѣдствіе разумнаго убѣжденія.

«Но такого общества нѣтъ, и потому нигдѣ не можетъ быть истинной свободы,» скажутъ мнѣ.

Правда, что нѣтъ такого общества, въ которомъ не признавалась бы необходимость насилія. Но есть различныя степени признанія этой необходимости насилія. Вся исторія человѣчества есть все болѣзненная и болѣзненная замѣна насилія разумнымъ убѣжденіемъ. Чѣмъ яснѣе сознается въ обществѣ неразумность насилія, тѣмъ болѣе приближается общество къ истинной свободѣ.

Вѣдь это такъ просто и должно бы было быть всею такъ ясно, если бы не было столько давно установившейся среди людей инерціи насилія и умысленной, для поддержанія этого выгоднаго властвующимъ людямъ насилія, путаницы понятій.

Людемъ, какъ разумнымъ существамъ, свойственно воздѣйствовать другъ на друга разумнымъ убѣжденіемъ на основаніи общихъ для всехъ законовъ разума. Такое добровольное подчиненіе всехъ законамъ разума и поступаніе каждаго съ другими какъ онъ хочетъ, чтобы поступали съ нимъ, — свойственно разумной, общей всею, природѣ человѣка. Такое отношеніе людей другъ къ другу, осуществляя высшую справедливость, проповѣдуется всею религіями,*) и къ такому состоянію не переставая приближалось и приближается человѣчество.

---

*) Здѣсь, конечно, разумѣются великія религіи человѣчества въ ихъ первоначальномъ чистомъ видѣ; а не позднѣйшія ихъ извращенія, которыя уничтожили ихъ истинный смыслъ, какъ, на примѣръ, сдѣлала церковь съ ученіемъ Христа. (Ред.)

И потому очевидно, что достигается все большая и большая свобода людей никакъ не внессiемъ новыхъ формъ насилiя, какъ дѣлаютъ это революціонеры, пытаясь новымъ насилiемъ уничтожить прежнее, а только распространенiемъ между людьми сознанiя незаконности, преступности насилiя, возможности замѣны его разумнымъ убѣжденiемъ и все меньшимъ и меньшимъ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ примѣненiемъ насилiя и пользованiемъ имъ.

Для распространенiя же этого сознанiя и воздержанiя отъ насилiя у всякаго человѣка есть всегда доступное ему и могущественнѣйшее средство: уясненiе этого сознанiя въ самомъ себѣ, то есть въ той части мiра, которая одна подчиняется его мыслямъ; и, вълѣдствiе такого сознанiя, устраненiе себя отъ всякаго участiя въ насилiи и веденiе такой жизни, при которой насилiе становится ненужнымъ.

Думай серьезно, пойми и опредѣли смыслъ своей жизни и свое назначенiе, — религiя укажетъ тебѣ его, — старайся, на сколько возможно, осуществить жизнью то, что ты считаешь своимъ человѣческимъ назначенiемъ. Не участвуй въ томъ злѣ, которое ты сознаешь и осуждаешь; живи такъ, чтобы тебѣ не нужно было насилiе, — и ты будешь самымъ дѣйствительнымъ средствомъ содѣйствовать распространенiю сознанiя преступности, ненужности насилiя и, поступая такъ, будешь самымъ вѣрнымъ путемъ достигать той цѣли освобожденiя людей, которую ставятъ себѣ искреннiе революціонеры.

«Но мнѣ не позволяютъ говорить то, что я думаю, и жить такъ, какъ я считаю пужнымъ.»

Никто не можетъ заставить тебя говорить то, что ты не считаешь нужнымъ, и жить такъ, какъ ты не хочешь. Все же усилiя тѣхъ, которые будутъ насилловать тебя, только послужатъ усиленiю воздѣйствiя твоихъ словъ и поступковъ.

Но не будетъ-ли такой отказъ отъ внѣшней дѣятельности признакомъ слабости, трусости, эгоизма? Не будетъ-ли такое отстраненiе себя отъ борьбы содѣйствовать усиленiю зла?

Такое мнѣнiе существуетъ и распространяется революціонными руководителями. Но мнѣнiе это не только несправедливо, оно недобросовѣстно. Пусть только каждый человѣкъ, желающiй служить общему благу людей, попробуетъ жить, не прибѣгая ни въ какомъ случаѣ къ огражденiю своей личности или своей

собственности насильемъ, пусть попробуетъ не подчиняться требованиямъ лицемернаго почитанія религиозныхъ и государственнымъ суевѣрій, пусть ни въ какомъ случаѣ не участвуетъ ни въ судѣ, ни въ администраціи, ни въ какой-либо другой службѣ государственному насилью, пусть не пользуется ни въ какомъ-либо видѣ деньгами, насильно собираемыми съ народа, пусть, главное, не участвуетъ въ военной службѣ, — корниъ всѣхъ насилій, — и человекъ этотъ на опытѣ узнаетъ, какъ много нужно истиннаго мужества и самопожертвованія для такой дѣятельности.

Одинъ отказъ отъ податей или воинской повинности на основаніи того закона религиознаго и нравственнаго, котораго не могутъ не признавать правительства, одинъ такой твердый и явный отказъ подтачиваетъ тѣ основы, на которыхъ держатся существующія правительства, въ тысячу разъ сильнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ самыя продолжительныя стачки, чѣмъ милліоны распротраненныхъ социалистическихъ брошюръ, чѣмъ самыя успѣшно организованные бунты или политическія убійства.

И правительства знаютъ это: они по чувству самосохраненія вѣрно знаютъ, гдѣ и въ чемъ ихъ главная опасность. Они не боятся попытокъ насилія, потому что въ ихъ рукахъ непобѣдимая сила; но противъ разумнаго убѣжденія, подтвержденнаго примѣромъ жизни, они знаютъ, что безсильны.

Духовная дѣятельность есть величайшая, могущественнѣйшая сила. Она движетъ міромъ. Но для того, чтобы она была движущей міромъ силой, нужно, чтобы люди вѣрили въ ея могущество и пользовались ею одною, не примѣшивая къ ней уничтожающіе ея силу внѣшніе приемы насилія, — понимали бы, что разрушаются всѣ самыя кажущіеся непоколебимыми оплоты насилія не тайными заговорами, не парламентскими спорами или газетными полемиками, а тѣмъ менѣе бунтами и убійствами; а только уясненіемъ каждымъ человекомъ для самого себя смысла и назначенія своей жизни и твердымъ, безъ компромиссовъ, безстрашнымъ исполненіемъ во всѣхъ условіяхъ жизни требованій высшаго, внутренняго закона жизни.

Я очень желалъ бы, чтобы статья ваша пріобрѣла побольше читателей, въ особенности среди молодежи съ тѣмъ, чтобы молодые люди, у которыхъ нѣтъ связывающаго ихъ прошедшаго, и которые искренно хотятъ служить благу людей, поняли бы, что

привлекающая ихъ революціонная дѣятельность не только не достигаетъ той цѣли, къ которой они стремятся, но напротивъ, отвлекая ихъ лучшія силы отъ того направленія, въ которомъ они дѣйствительно могутъ служить Богу и людямъ, производитъ большей частью обратное дѣйствіе; поняли бы, что цѣль эта достигается только яснымъ сознаніемъ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ своего человѣческаго назначенія и достоинства, и вслѣдствіе этого, твердой религіозно-нравственной жизнью, не допускающей ни въ словахъ, ни на дѣлѣ никакихъ сдѣлокъ съ тѣмъ зломъ насилія, которое осуждаешь и желаешь уничтожить.

Если бы хоть сотая доля той энергии, которая тратится теперь революціонерами на достиженіе внѣшнихъ недостижимыхъ цѣлей, тратилась бы на такую внутреннюю духовную работу, давно уже, какъ снѣгъ на лѣтнемъ солнцѣ, растаяло бы то зло, съ которымъ такъ боролись и тщетно борятся теперь революціонеры.

Вотъ тѣ мысли, которыя вызвала во мнѣ ваша статья.

Если найдете нужнымъ, напечатайте это письмо въ видѣ предисловія.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна.

22-го Іюля 1904 г.

О РЕВОЛЮЦІИ.

„Не дѣлайтесь рабами чловѣковъ“.
(1-ое Посл. къ Кор. Гл. 7, ст. 23).

Обращаюсь къ вѣрующимъ въ Бога русскимъ людямъ; и притомъ, главнымъ образомъ, — къ отпавшимъ отъ «господствующей» церкви и гонимымъ правительствомъ. Церковниковъ я здѣсь не имѣю въ виду: они слушаются своихъ духовныхъ руководителей и боятся, когда обращаются прямо къ ихъ совѣсти. Не имѣю здѣсь въ виду также и тѣхъ, которые считаютъ себя «невѣрующими»: самое слово «Богъ» отталкиваетъ такихъ людей. Они думаютъ, что оно всегда обозначаетъ нѣчто суевѣрное. Я же употребляю это слово совсѣмъ не въ суевѣрномъ смыслѣ. Но если бы между церковниками или невѣрующими нашелся такой, который пожелалъ бы меня понять, то я обращаюсь и къ нему. Каждый знаетъ въ себѣ того Бога, о которомъ я говорю, — все равно, называетъ ли онъ это Богомъ или нѣтъ. Богъ для меня — это то, чтò есть въ чловѣкѣ самаго лучшаго, высокаго, несомнѣннаго; и вмѣстѣ съ тѣмъ — то, чего нельзя опредѣлить никакими словами.

Вѣрующіе въ Бога русскіе люди, преслѣдуемые правительствомъ, понимаютъ различные вопросы очень разнообразно. Но въ одномъ они всѣ сходятся: они ищутъ правды Божьей, стараются исповѣдывать ее согласно своей совѣсти и, ради этого, готовы нести и несутъ всякія страданія.

Вотъ къ этимъ-то людямъ и обращаюсь я.

1.

Когда Иисусъ умиралъ на крестѣ и враги его глумились надъ нимъ, то онъ сказалъ: „прости имъ, Господи, ибо не вѣдаютъ, что творять“. Когда христіанскій мученикъ Иванъ Гусъ былъ привязанъ къ столбу для сожженія, набожная старушка подошла и своими руками подожгла хворостъ въ одномъ углу костра. Она думала, что совершаетъ богоугодное дѣло, принимая участіе въ сожженіи „еретика“. Гусъ понялъ старушку и, грустно улыбнувшись, сказалъ: „святая простота!“ Во всѣ времена люди, истинно вѣровавшіе въ Бога, когда страдали и умирали за совѣсть, не ожесточались противъ своихъ палачей, не бранили и не проклинали ихъ, а жалѣли за ихъ темноту и изувѣрство.

Такъ-же и въ наше время. Недавно на Кавказѣ духоборы стали отказываться отъ военной службы, не желая быть убійцами. За это русское правительство хотѣло ихъ истребить. Тысячи духоборовъ были разорены и сосланы. Они голодали, болѣли и медленно умирали отъ истощенія. Много сотенъ тогда погибло. Страдая и умирая, они молились за своихъ мучителей и говорили: „прости ихъ, Господи; спаси души ихъ; обрати ихъ отъ пути беззаконія“.

Сколько времени и какъ жестоко русское правительство гнало людей, вѣрующихъ въ Бога не по-православному, а по своей совѣсти! Но до сихъ поръ люди эти не впали ни въ отчаяніе, ни въ ожесточеніе, и число ихъ все растетъ.

Такъ называемые „революціонеры“ думаютъ, что возможно избавиться отъ правительства только насильственнымъ возстаніемъ.*) Они знаютъ, что людямъ, гонимымъ правительствомъ

---

*) Примѣчаніе. По крайней мѣрѣ, и здѣсь называю революціонерами только такихъ людей. Если же называть „революціонною“ также и дѣятельность тѣхъ социалистовъ, которые хотятъ мирнымъ путемъ достигнуть лучшихъ порядковъ, — то въ этомъ смыслѣ свободно-христіанское ученіе еще гораздо болѣе революціонно. Оно занимается усовершенствованіемъ внутреннихъ человѣческихъ побужденій и улучшеніемъ взаимныхъ отношеній между людьми. А отъ этого гораздо болѣе зависитъ прочное измѣненіе къ лучшему всего общественнаго устройства, нежели отъ тѣхъ внѣшнихъ переворотовъ или реформъ, которыхъ добиваются социалисты.

за вѣру, приходится еще хуже, чѣмъ остальному рабочему народу. Желая возбудить этихъ людей къ насильственному возстанію, нѣкоторые революціонеры стали распространять въ Россіи много печатныхъ листовъ и книжекъ, составленныхъ для того, чтобы разжечь въ гонимыхъ озлобленіе и ненависть противъ гонителей. Какъ православная церковь поддѣлала ученіе Христа, чтобы учить людей правительственному насилию, такъ и эти революціонеры въ своихъ книжкахъ стараются поддѣлать христіанское ученіе такъ, чтобы подбить людей участвовать въ насилии противъ правительства.

Такая проповѣдь вражды и насилия не можетъ, конечно, соблазнить людей, которые пріобшились христіанскаго духа и сохраняютъ его въ себѣ. Но людямъ, еще не окрѣпшимъ въ этомъ духѣ, или же ослабѣвшимъ, она можетъ повредить. Поэтому желательно внимательно разобрать, возможно ли тѣмъ, кто вѣрятъ въ Бога и въ нравственное ученіе Христа, добиваться свободы посредствомъ вооруженнаго возстанія, иначе сказать — посредствомъ ненависти, драки и убійства? И вообще — какое должно быть отношеніе христіанина къ государственному злу?

2.

Служить людямъ можно двумя путями.

Можно впередъ рѣшить, какіе вѣншіе порядки нужны для блага людей: а затѣмъ уже стараться установить эти порядки и бороться противъ всего того, что этому мѣшаетъ. Жизнепониманіе чловѣка, поступающаго такъ, можно назвать „общественнымъ“, потому что онъ считаетъ высшей цѣлью своей жизни служеніе тому *обществу* или собранію людей, которому онъ больше всего преданъ.

Въ былое время, когда государственное устройство больше соответствовало тогдашнимъ нуждамъ и желаніямъ самаго народа, искренніе, лучшіе люди общественнаго пониманія часто служили правительству. Но въ наше время государственное устройство почти нигдѣ не согласуется съ волею народа. Русское правительство, какъ мы всѣ знаемъ, не заботится о настоящемъ благѣ народа, но притѣсняетъ и обираетъ его. Теперь, если кто служитъ правительству, то главнымъ образомъ ради своей выгоды, или же, въ лучшемъ случаѣ, — изъ преданности

мертвымъ учрежденіямъ : престолу, церкви, государству. Наибольше же искренніе и чуткіе люди общественнаго жизнепониманія въ настоящее время большей частью заступаются за притѣсняемый народъ. Они стараются облегчить его положеніе и помочь ему избавиться отъ правительственнаго гнета. И такъ какъ они не знаютъ другихъ средствъ для избавленія отъ правительственнаго насилія, кромѣ насильственнаго же возстанія, — то многіе изъ нихъ становятся революціонерами.

Человѣкъ общественнаго пониманія не признаетъ, чтобы могло быть что-нибудь выше человѣческаго благополучія. Добромъ онъ считаетъ только то, что, по его мнѣнію, полезно для тѣхъ людей, которымъ онъ служитъ. Ни въ какое высшее Начало добра онъ не вѣритъ и потому совершаетъ, безъ разбора, какіе угодно поступки, если только это выгодно для его цѣлей. Для служенія людямъ онъ готовъ и обманывать, и драться, и убивать; и, что всего хуже, — готовъ этому же учить и другихъ людей, отравляя ихъ души. Когда цѣль хороша, то онъ считаетъ хорошими и всякія средства, ведущія къ ней, по поговоркѣ: „цѣль оправдываетъ средства“.

Правда, самую поговорку эту люди общественнаго жизнепониманія не любятъ и даже обижаются, когда ее относятъ къ нимъ. Въ глубинѣ души у нихъ, очевидно, сохраняется смутное сознаніе, что бываютъ поступки сами по себѣ скверные. Но когда эти люди смѣло слѣдуютъ своему ученію, то для нихъ нѣтъ ничего запретнаго. Наибольше откровенные изъ нихъ такъ прямо и говорятъ, что, какъ это ни тяжело, но ради людскаго блага, надо быть готовымъ совершать поступки самыя жестокіе и отвратительныя.

Совершенно иначе служить людямъ человѣкъ „божескаго“ жизнепониманія.

Вѣрующій въ Бога прежде всего служить тому Началу жизни, изъ котораго онъ изощель. Голосъ Божій въ его душѣ раскрываетъ ему законъ добра, правды и любви. Смыслъ жизни для такого человѣка состоитъ въ томъ, чтобы повиноваться требованіямъ этого голоса, — „исполнять волю пославшаго его“, какъ говорилъ Христосъ. Такой человѣкъ довѣряетъ Богу и увѣренъ, что отъ исполненія Его воли не можетъ произойти ничего плохого для людей. Онъ знаетъ, что, служа Богу, онъ самымъ вѣрнымъ образомъ служить и людямъ; потому что человѣку дано безо-